

Кувалдин В.Б.

Приступим к работе. Я бы хотел сказать несколько слов о четырех представленных докладах.

На нашем "круглом столе" нет строгого деления на внутреннюю и международную проблематику. Мы рассматриваем все актуальные проблемы российской политики – и внутренней, и международной. До этого преобладали внутренние сюжеты. Сейчас – первая международная тема. При знакомстве с докладами сразу бросается в глаза широкое "поле согласия" в представленных материалах: и во многих конкретных выводах, и в общем подходе к теме. Мне кажется, это обнадеживающий признак, поскольку в вопросах внешней политики роль экспертного сообщества качественно весомее, чем в вопросах внутренней политики. И то, что у нас начинает вырабатываться достаточно единый взгляд на вещи, несомненно, позитивно.

Каковы основные установки, которые разделяют все четыре докладчика, хотя это очень разные тексты.

Доклад **Андрея Федорова** – это классическое размышление в духе школы реализма, оценка отношений двух держав, исходя из соотношения их сил в самом широком диапазоне. Я разделяю многие выводы.

Единственное, но может быть, достаточно принципиальное расхождение в том, что Андрей Владимирович видит Соединенные Штаты как державу, идущую к вершине могущества, то есть окончательно утверждается в их роли единственной супердержавы. У меня ощущение, что началось очень медленное и сейчас почти незаметное движение вниз. Пик сверхдержавности Соединенных Штатов пройден где-то в конце 90-х годов.

Вячеслав Никонов, которого мы знаем как одного из ведущих представителей нашей школы американистов, построил свой доклад под углом анализа различий между двумя партиями во внешнеполитической области.

Мне кажется, он справедливо говорит о том, что, несмотря на постоянные поиски консенсуса по вопросам внешней политики, различия между демократами и республиканцами весьма и весьма существенны.

Размышления **Дмитрия Глинского** идут в не очень привычном для международников, но важном и перспективном направлении. Это анализ с точки зрения объективного совпадения сущностных интересов элит – новой постсоветской и гораздо более традиционной американской – и построения межгосударственных отношений на этой основе.

Тем интереснее, что при всем различии подходов обрисовалось широкое поле согласия. И здесь я бы выделил семь основных моментов.

Первое – это понимание масштабов национальной катастрофы, порожденной десятилетием засилья ельцинизма в российской политике и его пагубной проекцией на международное положение России.

Второе – это осознание (я бы сказал, протрезвление с явными элементами похмелья) реального положения России в современной системе международных отношений в целом и в отношениях с Соединенными Штатами в частности.

Третье, что, как мне кажется, объединяет всех четырех докладчиков, – это не склонность к новому мифотворчеству и, соответственно, взвешенная, разумная реакция на тягостную реальность, которая сейчас стала очевидной.

Четвертое – это все-таки признание первостепенной важности для России отношений с Соединенными Штатами как пронизывающих и определяющих наши отношения с внешним миром. По-видимому, максимум, к которому мы сейчас можем стремиться, – это отношения единственной глобальной сверхдержавы с неввраждебной региональной державой. Вот это, возможно, пока что могло стать оптимальной формулой отношений на обозримую перспективу.

Пятое – это трезвая оценка нынешнего состояния российско-американских отношений как сужающейся асимметричной взаимозависимости. Здесь, в отличие от позиции Андрея Федорова, я считаю, что у России немало возможностей для проведения достаточно самостоятельной внешней политики.

Шестое – это общий настрой всех докладов. Я бы его охарактеризовал так: пессимизм разума и оптимизм воли, если использовать известную формулу Антонио Гранша; то есть стремление выработать конструктивную повестку дня и в отношениях с администрацией Буша-младшего, и на более отдаленную перспективу.

Седьмое и последнее – это то, что мне показалось самым интересным, самым интригующим и менее всего прописанным в этих текстах и что, как мне представляется, могло бы стать смысловым центром дискуссий наших международников. Во всех текстах проглядывает постановка ключевой для понимания динамики складывающейся системы международных отношений проблемы нового ревизионизма в мировой политике начала XXI века. Понятно, что формируется глобальный мир. Понятно, что больше всего от этого выигрывают Соединенные Штаты и Запад. Понятно, что остальные не так счастливы, а может быть, просто несчастливы в нарождающейся системе международных отношений. И ясно, что в среде этих несчастливых участников зарождаются и ревизионистские силы, и ревизионистские державы.

В то же время мне кажется, что речь идет о новом ревизионизме – новом по целому ряду важнейших характеристик. Во-первых, новом – по масштабу. Речь идет о ревизионизме в **глобальной** системе международных отношений. До сих пор ревизионистские державы выступали в рамках европейской системы; скажем, в двух мировых войнах – Германия, а если считать "холодную войну" несостоявшейся третьей мировой войной, то это были Соединенные Штаты Америки и Россия – державы, которые в широком смысле слова являются безусловно европейскими по своим цивилизационным характеристикам. Сейчас речь идет о том, что ревизионистские державы появятся за рамками европейского ареала.

Во-вторых, новый – по составу участников, который может быть весьма гетерогенным. В этом составе будет и Китай, и Индия, и мусульманский мир, и другие государства Востока. В-третьих, новый – по методам

разрешения противоречий, потенциальных конфликтов. Вряд ли будет сделана ставка на военное противостояние даже в той ослабленной, превращенной форме, как это было в период "холодной войны". То есть центр тяжести противостояния явно смещается в экономическую сферу, причем в постиндустриальном контексте.

В этом разгорающемся противостоянии, как мне кажется, есть возможность интригующего использования таких лозунгов, как "права человека" и "защита демократических ценностей" Востоком против Запада, в частности учитывая тот факт, что в обозримой перспективе доля Запада в составе мирового населения упадет ниже 10%, даже если мы посчитаем Западом Японию – что в данном контексте мне кажется далеко не очевидным, – а соответственно, доля Востока намного превысит 50%. Здесь, как и во многих других вопросах, традиционная повестка дня может быть перевернута.

Благодарю за внимание.